АЗБУКА ВЕРЫ

Кокухин Н.П.

Василисса. Записки церковной продавщицы

Художественная литература · azbyka.ru

Василисса. Записки церковной продавщицы – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/vasilissa-zapiski-czerkovnoj-prodavshhiczy

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Василисса. Записки церковной продавщицы

Кокухин Н.П.

Оригинал

Подслушал и записал Николай Кокухин

Эта книга написана автором от лица церковной продавщицы простым и незамысловатым языком. Но истины, о которых в ней говорится, глубоки и насущны для каждого из нас — ведь это истины нашей православной веры.

Житейские истории, рассказанные в книге, способны тронуть любое сердце, ведь в них говорится человеческой боли и радости, о страданиях — и той помощи, которую посылает нам милосердный Господь…

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»

Мф.11:28.

«Покайтесь и веруйте в Евангелие»

Мк.1:15.

«Истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут»

Ин.5:25.

Никогда не думала, что стану продавщицей. А пришлось. Жизнь заставила. Не я одна, почти все мы поставлены в жесткие условия как бы выжить. И длится это не год, не два, а больше двадцати лет с гаком. Карабкаемся. А выкарабкаемся ли, неизвестно.

Таких семей, как моя, не счесть. Проблемы абсолютно одинаковые. Судите сами: за дочку (учится в институте) платить надо? Надо. За сына (учится в колледже) платить надо? Надо. За коммунальные услуги платить надо? Надо. Дальше перечислять не буду, потому что этих «надо» наберется еще порядочно. Работает один муж. Денег катастрофически не хватает.

На днях подходит ко мне батюшка.

— Чем могу помочь?

— Из одного киоска ушла продавщица, торговать некому, а мы платим громадный налог за каждый киоск. Возьмешься поторговать?

— Я сроду этим не занималась.

— Это дело нехитрое, быстро научишься.

— Там же надо рекламу вести?

— Это несложно — рассказать о книге или об иконе.

— Прямо не знаю, что и сказать.

— Ты подумай.

— Я посоветуюсь с мужем, с детками, а потом скажу.

На том и договорились.

Домашний совет решил: дома ты, конечно, нужнее, но и дополнительный заработок не помешает.

Я решила все же попробовать, хотя бы временно. Если получится, хорошо, а если нет, то уйду.

Валентина Ивановна, старшая по торговле, показала место моей работы: киоск в подземном переходе около одной из станций метро. Небольшой закуток, на полках и на столике — образцы товара, маленький стульчик; сыровато, душновато — не ахти что. Но отступать вроде поздно.

— Ладно, — говорю старшей, — заступаю.

— Помоги тебе Господь. — Валентина Ивановна вручила мне ключ от киоска.

И началось…

Глава первая

Первое сентября

Едва ранним утром открыла киоск, как повалил народ. У окошка сразу образовался длиннющий «хвост». Посыпались вопросы:

— Крестики есть?

— Есть.

— Десять штук, пожалуйста.

— «Живые помощи» есть?

— Есть.

— Две «помощи» заверните, нет, лучше три.

— Никола-чудотворец есть?

— Есть.

— Две иконки, пожалуйста: у меня двое школьников.

— А Матронушка есть?

— Есть.

— А она от чего?

— Ото всего.

— Вот такую мне и надо.

Женщина с сыном, который ростом выше ее:

— Ремень есть?

— Какой?

— С ограждением.

— Есть освященный ремень.

— Ну, он же ограждает?

Конечно.

— Вот и давайте мне его.

— Мама, — говорит парень, — да не буду я его носить.

— Как не будешь? — возражает мама. — Ты же в школу идешь! Как же без ограждения!

Другая женщина:

— Кто помогает в учебе?

— Преподобный Сергий Радонежский.

— Маленькая иконка есть?

— Есть и маленькая, и большая.

— Мне нужна такая, чтобы можно было положить в карман или зашить в рубашку?

— Сейчас подберу. Вот эту иконочку будет очень удобно носить в нагрудном кармане.

— Вот и чудесно.

«Господи, — думаю, — как будто в Чечню детей провожают! Вот какая сегодня школа!»

До самого позднего вечера шла бойкая торговля.

«Прокурор»

Каждый день подходит толстый мужчина с большим барабаном-животом, просовывает голову в окошко и произносит одну и ту же фразу:

— А Кирилл знает?

— Знает.

— Не чем-нибудь, а серебром и золотом торгуете ведь!

— Ну да.

— А Кирилл?

— Что Кирилл?

— Знает?

— Он все знает.

— Ну смотрите, как бы чего не вышло!

— Да мы и так во все глаза смотрим!

— А правильно ли смотрите?

— Правильнее некуда.

— Ну-ну!

Мужчина прокурорским взглядом оглядывает мое хозяйство, хмыкает, нехотя освобождает окошко, еще минуту-другую топчется около киоска, а потом неторопливым шагом удаляется.

«Двойное ограждение»

У окошка небольшая очередь. Женщина средних лет с накрашенными губами увидела на стенке серебряный литой крест.

— Покажите мне, пожалуйста, его.

— Понравился?

— Да. Он мне *улыбается.*

Она внимательно осмотрела крест, повернула его другой стороной.

— А это кто?

— Матерь Божия «Волоколамская».

— А я и не знала, что на обороте что-то бывает.

— Это двойное ограждение! — воскликнула женщина, стоящая сзади. — Вы берете?

Покупательница до сих пор еще не знала брать или не брать, но после этих слов мгновенно решила:

— Беру! Беру! Ведь он мне *улыбался.*

Подошла и другая женщина.

— А для меня найдется что-нибудь с двойным ограждением?

— Конечно. Вам что больше нравится крест или икона?

— Икона.

«Надо же придумать такое — “двойное ограждение”, — подумала я, подавая ей икону. Завтра, чего доброго, кто-нибудь потребует и тройное».

«Фамулет»

К окошку подошла деревенская женщина, видимо, из Подмосковья.

— Что мне подарить молодоженам на свадьбу, чтобы их никто не сглазил? — спросила она.

«Оё-ёй, — подумала я. — Надо же, что ее беспокоит!»

— А они у вас крещеные?

— Невеста, моя дочка, крещеная, а жених не знаю.

— Ну, вы спросите у него.

— Дак это же не главное. Я болею о том, чтобы их никто не сглазил. Время-то какое! Страсти одни!

— Если жених крещеный, то они могут и обвенчаться.

— Эк, милая, куда хватила! Они оба не знают, с какого конца к храму-то подойти, а ты «обвенчаться».

— Если бы они это сделали, то им бы никакой сглаз не был бы страшен.

— Не скажи, голубушка! Какой-никакой оберег надоть… Мне давеча соседка говорила, что хорошо бы иметь фамулет.

— А что это такое?

— Ну, на шее который носят.

— Наверно, амулет, — догадалась я.

— Во-во!

— У нас таких вещей не бывает.

— Вот жалость-то. А я-то думала: разживусь у тебя, дева, фамулетом…

— Знаете, что я вам посоветую: подарите молодоженам две иконы — одну ей, другую ему.

— А для чего?

— Как благословение.

— Ну, дева, что выдумала! Я за всю свою жизнь такого не слышала! Меня же засмеют!

— А вы не бойтесь.

— Нет уж, это никак для них не годится… Женщина сделала шаг назад. — Пойду поищу чего-нибудь другого…

Бриллиантовый крест

Каждый день два парня — один высокий, богатырского сложения, второй — тонкий и щуплый подходят и говорят:

— Этот крест наш. — И показывают на бриллиантовый крест за восемнадцать тысяч. — Ты его никому не продавай.

— Вы уже месяц ходите и говорите одно и то же.

— Ну и что?

— Как что? А вдруг его сегодня или завтра купят?

— Так ведь не купили еще!

— Обязательно купят. И тогда вы останетесь без креста.

— Нет, ты его все же не продавай. Он наш.

— Вам бы только поговорить. Наверно, жалко восемнадцати тысяч.

— Нет, не жалко.

— Ну, а почему не покупаете?

— Еще не накопили.

— Тогда поспешите. Пора от разговоров переходить к делу.

— Вот мы делом и занимаемся: каждый день проверяем — на месте ли крест…

А знаете, что я вам посоветую.

— Что?

— Для начала купите по маленькому нагрудному крестику, какие носят все христиане. Ведь наверняка у вас нет.

— Правильно, нет.

Ну вот, и начните с этого.

— Нет, мы на мелочи не разменяемся. Мы сразу по-большому… с бриллиантового…

Глава вторая

«Знаток»

Икону Божией Матери «Неупиваемая Чаша» с очень строгим ликом я выставила на переднее стекло, чтобы все ее видели. Подошел мужчина, наклонился, рассматривая образ (он был

небольшого размера), выпрямился:

— Если такую икону домой принесешь, то уж точно не выпьешь ни грамма.

— Икону берут для того, чтобы молиться перед ней.

Этого еще не хватало!

Старушка

Подходит старушка с мальчиком.

— Ой, сколько у вас всего хорошего да красивого! — обводя глазами полки с иконами и крестами, умильным тоном произнесла она.

Да, у нас всего много, — ответила я.

— Мне, моя милая, нужен золотой образок Георгия Победоносца для моего единственного внука.

— Сейчас подберу.

Я показала образок старушке.

— И хорошо бы к нему подобрать золотую цепочку.

— Есть и цепочка, просто отменная.

— Ну, а теперь посчитаем, сколько это будет стоить.

— Семь тысяч четыреста рублей.

Старушка повернулась к внуку:

— Это ты мне в копеечку обойдешься, дружочек!

— А вы купите дешевенький образок. У меня и такой есть.

— Дешевенький? Что с него толку-то, с дешевенького? Золотой — оно как-то надежнее…

Ревнитель

Один пожилой мужчина ходил-ходил перед моим окошком, наконец, не выдержал и сказал:

— А это разве хорошо, что вы стоите спиной к иконам?

Я ответила:

— А разве будет хорошо, если я к вам буду стоять спиной?

— Да мне безразлично.

— А как же вы будете покупать иконки?

— Да я и не собираюсь ничего покупать.

И быстро ретировался.

Золото и серебро

Женщина в элегантной шляпе:

— Я не люблю, когда меня дурят: купишь серебро, а это оказывается не серебро, купишь золото, а это оказывается не золото.

— У нас такого нет — это ведь *церковная* лавка.

— Всё равно — опасно покупать.

— Если вы нам не верите, идите в «Петровский пассаж».

— Там в несколько раз дороже.

— Если вы у нас купите и вам не понравится, то вы можете вернуть. А в «Петровском пассаже» такого нет.

— Это я знаю.

— Значит, прямой резон — покупать у нас.

— Кому прямой, а кому и не прямой…

Женщина достала из своей сумочки зеркальце, губную помаду и стала подводить губы. Она занималась этим не меньше пяти минут, всем своим видом показывая пренебрежение не только к церковной лавке, но и ко мне, продавцу. Я не стала ей выговаривать, мол, загораживаете окошко и мешаете торговле, хотя ей, судя по всему, очень хотелось услышать что-то в этом роде. Удивленная моим поведением, она нервно дернула плечом и удалилась.

«Крутой»

Молодой мужчина в кожаной куртке, видно, что из «крутых».

— Я построил особняк: только дерево! Класс! Мне нужны эти… как их … иконы…

— Какие?

— Ну, ты же при деле, все знаешь. Сама скажи, какие.

— Ну, Спаситель, потом Божия Матерь.

— Во-во! Эти и давай!

Я показала ему одну икону, другую.

— Ну что ты мне показываешь? У меня же дерево. Мне нужно, чтобы под цвет.

— Ну ладно, подберем то, что вам нужно.

Я показала две большие иконы в рамках:

— Они дорогие.

— Это пусть тебя не волнует. Давай еще что-нибудь.

— Ну, вот эту икону возьмите.

— А кто это?

— Святой Пантелеимон.

— А он за что отвечает?

— За здоровье.

— За здоровье? Это хорошо! Здоровье нам нужно! Давай его сюда!

Я подала.

— Могу предложить еще одну икону.

— Это кто такой?

— Святой мученик Трифон.

— Он в чем помогает?

— В работе.

— Ну, тогда дай мне сразу две иконы: одну маленькую, а другую побольше.

Я подала.

— Он может помочь мне открыть еще одну мастерскую?

— Если попросите с верой, то — да.

— Мою жену зовут Тамара, а не Вера.

— Ну, с Тамарой попросите. — Я с трудом скрыла улыбку, которая так и просилась наружу.

Мужчина поводил глазами по полкам, отыскивая что-то нужное.

— Еще мне вот это дай.

Он помахал рукой туда-сюда.

— Лампаду? — догадалась я.

— Да, именно ее.

— У меня есть красивая лампада. Только нет кронштейна, на который ее надо повесить. Вы зайдите в какой-нибудь большой храм и там купите.

— А у тебя почему нет?

— Не заказали.

— Ну ладно, я пойду покурю, а ты пока собери все это в коробку.

Он ушел, а я упаковала святыни в коробку. Вернется клиент или нет, а собрать на всякий случай надо.

Через некоторое время он вернулся.

— У тебя есть это… ну, чтобы… три в одном…

— Может быть, вам нужно «две в одном»? — Я уже догадалась, о чем он говорит.

— Нет, мне нужно именно — три в одном.

— Три в одном у меня сейчас нет, а диптих, то есть «две иконки в одном» есть.

— Нет, это не то.

— Тогда зайдите завтра или послезавтра, я приготовлю то, что вам нужно.

— Ладно. Я пойду покурю, а ты все упакуй.

— Хорошо.

«Наверно, не придет, — подумала я. Слишком уж много хождений».

Но он все же пришел.

— Ну ладно, давай сюда коробку. У меня голова от тебя заболела.

Я подумала: «Это у меня заболела».

Он расплатился и ушел.

Очередь, и довольно большая, наблюдавшая за этим спектаклем, облегченно вздохнула — теперь можно и им, не «крутым», что-то купить.

Еще один визит «прокурора»

Знакомый толстяк заглянул в окошко и изрек:

— Позвонил.

— Кому?

— Кириллу. Имел серьезный разговор.

— Ну и что?

— Обещал разобраться.

Ну вот и хорошо. Вам забот будет меньше.

Глава третья

«Дайте моему дураку крест!»

Подошли двое — мужчина и женщина.

— Дайте моему дураку крест! — попросила женщина.

— Сама ты дура! — огрызнулся мужчина.

— Сколько можешь без креста ходить? Ведь до пенсии осталось всего ничего.

— До сих пор ходил без креста и до конца жизни прохожу без него!

— А потом?

— Что потом?

— После смерти что ты будешь делать?

— Отдыхать! — Мужчина весело рассмеялся. — От работы, от забот, а главное — от тебя!

— Ну и дуралей же ты! Говоришь, а не знаешь, чего говоришь! *Там* не отдыхают, *там расплачиваются!*

— Я со всеми своими должниками еще в прошлом году расплатился.

— Расплачиваются за грехи.

— У меня их никогда не было и не будет!

— Это у тебя-то, великого грешника?! Смотри, *там* по-другому заговоришь!

— На курорте не только я, а все по-другому говорят. Там же отдых, а нс работа.

— Чурбан ты, больше никто! — в сердцах воскликнула женщина, отходя от окошка.

Мужчина последовал за ней.

Азербайджанец

Подошел пожилой азербайджанец.

— Русские свечки есть?

— Дорогой, не бывает свечек русских и нерусских. Есть просто свечи. А вам зачем?

— Мою дочку сглазили. Мне посоветовали: купи русскую свечку, зажги ее и вот так сделай перед дочкой. — Он сделал рукой подобие крестного знамения.

— А кто вам такой совет дал?

— Мои родственники.

— Они в этом деле ничего не понимают.

— А как мне быть?

— Поезжайте-ка к блаженной Матроне.

— А кто она такая?

— Это русская святая. Она покровительница всех москвичей.

— Она может снять сглаз с моей дочки?

— Она может все: снять сглаз или порчу, исцелить от тяжкой болезни, помирить супругов, избавить от большой беды.

— Вот такая мне и нужна! Где мне ее найти?

— Метро «Таганская», Покровский монастырь.

— А много она денег возьмет?

— Она исцеляет бесплатно.

— Такого быть не может! Сейчас все берут деньги!

— Ей деньги не нужны.

— А что ей нужно?

— Твоя вера.

Азербайджанец задумался.

— Ради дочки пойду и на веру!

Молитвенник

Каждое утро в восемь часов тридцать минут к окошку, идя на работу, подходил мужчина и начинал молиться про себя. Он глядел на одну икону, осенял себя крестным знамением и молился, встряхивая головой. Потом переводил взгляд на другую икону и снова молился. И так он молился перед всеми иконами. Если подходил покупатель, он становился сзади него и продолжал молиться.

Вечером, возвращаясь с работы, мужчина снова останавливался около окошечка и снова молился. И опять перед всеми иконами, которые были в лавке.

Чтобы он не молился на меня, я отходила в сторону или приседала, чтобы он не видел меня.

Золотая цепочка

Подошли двое: он весь в перстнях, в кольцах, в золотых цепочках; она тоже в перстнях, в дорогом ожерелье, смело накрашенная; оба в дорогой импортной одежде.

— Эй ты! — позвал он меня.

Я даже голову не повернула в его сторону, давая понять, что здесь не колхозный рынок.

— Ты что, не слышишь меня? — повысил голос мужчина.

— Чего вы «тыкаете»? — возразила я ему. Я что, вам подружка?

— А что, я тебя на «вы» что ли буду называть? Еще не доросла до этого!

— Это церковное заведение! Не видите?

— Вижу. Подай-ка мне вон ту золотую цепочку.

— Она дорогая — пять восемьсот. Итальянское производство. Вашей жене она будет маловата.

— А я не жене беру.

— А скажи — цепочка освященная? — вмешалась жена.

— Конечно. Здесь все освященное.

— Очень хорошо. Я беру эту цепочку своей собаке.

Я не поверила своим ушам:

— Что? Собаке?

— Да, моей собаке.

— Кресты, иконы, цепочки — это все для людей, а не для собак! — Я еле сдерживалась, чтобы не вспылить. — Вам и вашему мужу надо в собачий магазин идти, а не сюда! Побойтесь Бога — вот что я вам скажу!

Видимо, выражение моего лица было такое, что женщина потянула своего супруга за рукав.

— Пойдем, они тут все чокнутые.

«Господи, помилуй этих несчастных людей! Не ведают, что творят!» — помолилась я.

Милостыня

Грузная, почти квадратная женщина подходит к окошку и говорит басом:

— Пожер-р-р-ртвование можно?

— Можно.

— Давайте ящик.

Я беру ящик, а он тяжелый, так как в нем много мелочи, ставлю на прилавок. Женщина бросает в него монеты и уходит.

Назавтра она снова гудит своим басом:

— Пожер-р-р-ртвование можно?

Я опять тащу ящик.

И так каждый день.

А другая женщина, высокая, молодая, проходя мимо киоска, кладет на прилавок пятьдесят или сто рублей и, не задерживаясь и не говоря ни слова, идет дальше.

Кто больной?

К киоску подошла женщина и стала смотреть образки — какой бы купить. Ее муж — в дорогой пыжиковой шапке и дорогой дубленке — потянул ее за рукав:

— Не подходи к ним — они все *больные.*

Тяжелая работа

Однажды, совсем неожиданно для самой себя, я дала «интервью». Конечно, не в полном смысле слова «интервью», а скорее, дружеская беседа, и я разговаривала не с первым встречным, а со своим человеком, которого знаю не один год.

— По сколько часов ты работаешь?

— По двенадцать. Два дня работаю, два дня отдыхаю.

— Тяжеловато.

— Ничего, привыкла.

— Как ты холода вынесла? (Разговор проходил в феврале 2012-го года, когда стояли аномальные морозы, за двадцать градусов).

— Еле-еле.

— Отопление в ларьке есть?

— Две печки: одна внизу, другая сбоку. Да у меня еще ничего. Покупателям туго: в переходе — там же сплошной бетон — гораздо холоднее, чем на улице; плюс сквозняки жуткие. Если кто подойдет, то танцует на месте: «Дорогая, побыстрее, замерзаю».

— В такие дни и выручки, наверно, никакой?

— Только на пропитание и хватает.

— ЧП бывают?

— У меня нет, а на других точках бывают. Вот недавно обокрали один киоск.

— Как это произошло?

— Очень просто. *Они* же все прощупывают и продумывают. Один из них подошел к киоску и сказал продавщице: «На рынке продают парное мясо. И дешево». Продавщица пожилая женщина, пенсионерка — тут же схватилась и побежала. В спешке даже дверь не закрыла на ключ. *Те* вошли в ларек, забрали все золото и серебро, да и остальное, что подороже, и ушли. Убыток — шестьсот тысяч.

— Ну и как продавщица будет теперь расплачиваться за ущерб?

— А никак. Что с нее возьмешь?

— Ну все же?

— Старшая поставила ей условие: целый год будешь работать бесплатно.

— Других ЧП не было?

— Ну как не было? Уже шесть раз обворовывали наши киоски. Храм должен поставщикам золота и серебра шесть миллионов рублей.

— Как же он выйдет из положения?

— Трудно сказать.

Глава четвертая

Интервьюер

Подошел молодой человек с блокнотом и авторучкой.

— Здравствуйте.

— Добрый день.

— Я хочу выбрать золотую цепочку.

— Пожалуйста. У нас очень хороший выбор.

— Покажите мне, пожалуйста, вот… эту. Он указал пальцем на ближайшую цепочку.

Я сняла ее со стенда и, держа на раскрытых ладонях, подошла ближе к окошку.

— Где она сделана?

— У нас же не завод, а церковная лавка.

— Все равно, я должен знать.

— Тут есть маленькая этикетка, можете посмотреть.

Молодой человек нагнул голову, долго изучал этикетку, потом внес название Общества с ограниченной ответственностью в блокнот.

— А какой у нее вес?

— Разве тут не указано?

— Сейчас посмотрим более внимательно.

Покупатель снова углубился в изучение этикетки, содержание которой было набрано очень мелким шрифтом.

— Ага, нашел. — Он сделал запись в блокноте.

— А сколько здесь золота?

— Не могу сказать?

— А какой оно пробы?

— Этого я тем более не знаю.

— Ну ладно. А как вас зовут?

Я назвала свое имя. «Еще один интервьюер выискался».

— От какого вы храма?

Я сказала.

— Адрес вашего храма?

Я продиктовала.

— Телефон храма?

Я назвала.

— У вас есть сотовый телефон?

— Да.

— Какой номер?

Я продиктовала.

— Как зовут настоятеля вашего храма?

Я назвала.

— Имя старосты?

Я назвала имя, отчество и фамилию.

— Так, что еще? — Молодой человек погрыз кончик авторучки.

— А вам назвать размер моей обуви? — спросила я.

— Обуви? — переспросил «интервьюер». Э-э-э…

— Я могу назвать вам даже цвет моей любимой губной помады…

— Спасибо, не надо. — Молодой человек спрятал блокнот и авторучку в карман. — Я приду к вам через неделю и куплю эту цепочку.

Милости просим.

Больше я его никогда не видела.

Телефон

Пожилая женщина с озабоченным лицом.

— Вы, я вижу, общительный человек, — обратилась она ко мне, — можно с вами посоветоваться.

— Слушаю вас очень внимательно.

— У меня сомнение.

— Какое же?

— Я купила сотовый телефон, а в нем есть игра в карты. А играть в карты ведь грех?

— Да, большой грех.

— Я так и думала.

— А в какие игры вы играете?

— Ну прежде всего в подкидного дурачка, потом в «шестьдесят шесть», потом…

— А вы не играйте, и греха не будет.

— Ну, как же не играть, карты такие красивые, разноцветные, глаз не оторвешь.

— Да не включайте эту игру — и все.

— Это очень трудно. Как возьмешь телефон в руки, игра сама *выскакивает.*

— А вы ее гоните прочь!

— У меня это никак не получается. Как начну играть, так и остановиться не могу — *затягивает.*

— А вы знаете, кто *затягивает?*

— Нет.

— Бесы.

— Неужто?

— Да, они.

— Как же мне быть-то?

— Выкиньте телефон, да и все!

— Ну, как же — выкинуть? Он же дорогой.

— А что дороже — душа или телефон?

— Конечно, телефон! — уверенно произнесла женщина. — Что такое душа? Пустое место. Я ее

никогда и не видела. А телефон, вот он, в моих руках.

Я не поверила своим ушам. «Бедняжка! Как она запуталась!»

— У вас ум есть? — спросила я.

— Ну как же без ума? У каждого человека, поди, есть.

— Вы его видите?

— Нет.

— Ну вот, вы его не видите, а он есть. Так и с душой.

— Нет, милая, меня не проведешь на мякине, как воробья. Я ушлая.

— Ушлая, да не послушная.

— Какая уж есть.

— Если не прекратите играть в вашего *подкидного дурачка,* то *доиграетесь* до геенны огненной.

Мои слова не произвели на женщину никакого впечатления.

Пока мы разговаривали, у киоска образовалась очередь. Раздались голоса:

— Давайте вместе играть!

— И я с вами! Знаю много клевых игр!

— И нас возьмите! Вчетвером составим пульку!

— Продайте мне свой телефон! По дешевке!

— А себе купите другой!

— Любезная, лучше подарите мне свой телефон, и в рай войдете!

«Эдак они еще час проговорят», — прикинула я и громко обратилась к владелице телефона:

— Покупать что-нибудь будете?

— Нет.

— Тогда до свидания! Видите — какая очередь!

«Удавка»

Подходит вусмерть накрашенная молодая девица с длинными — с полметра — ногтями дегтярного цвета.

— Скажите, удавка есть?

Много чего я наслышалась в своем киоске, а такого еще не слышала.

— Что? Что?

Я даже ухо повернула в ее сторону.

— Я говорю: удавка есть?

Я повернулась к девице другим ухом.

— Не понимаю.

— Ну, на шею надевают. — Девица показала руками, как надевают на шею.

— Это называется по-другому: ниточка для нательного крестика.

— Ну да, я это и имела в виду.

— А крестик у вас есть?

— Есть. Золотой.

— Очень хорошо. А вы крещеная?

— Не знаю. А разве это важно?

— Очень важно. Сначала окреститесь, а потом уж и крестик наденете.

— А кто будет надевать?

— Священник.

— В церкви?

— Да.

— Нет, я туда ни ногой. Я лучше сама надену. Надежнее будет.

Девица купила ниточку и ушла.

Бабуля

Пришла бабуля, принесла серебряную цепочку, которую она купила несколько дней назад.

— Возьмешь ли, доченька, назад? — Она протянула мне цепочку.

— А что такое, бабуля?

— Да заржавела.

— А отчего она заржавела?

— Да кто ее знает, милая. Заржавела, и все.

— Может, вы ее в воду случайно уронили?

— Нет, такого не было.

— Может, положили в сырое место?

— Нет, лежала в серванте.

— Может, кому давали поносить?

— Никому не давала.

— Что же с ней произошло?

— Не знаю, милая.

— Очень интересно.

— Ты мне не обменяешь ее? Может, другая не будет ржаветь?

— Конечно, поменяю, раз такое дело.

Я дала бабуле новую цепочку.

— Смотрите, не кладите ее, куда не надо.

— Что ты, милая, что ты! Буду беречь, как зеницу ока!

Обрадованная бабуля спрятала цепочку в сумку и отправилась восвояси.

«И на старуху бывает проруха, — подумала я, провожая ее глазами. — Я оказалась в убытке, зато бабуля — нет».

Глава пятая

Икона

Подошли две сестры, одна помоложе, другая постарше.

— Мы уезжаем за границу. Нам нужна икона Божией Матери «Владимирская».

— Есть такая. Очень красивая, посеребренная.

— Сколько стоит?

— Двенадцать тысяч рублей.

— Давайте.

Я завернула им покупку, они, довольные, ушли.

Через два часа возвращаются.

— Простите, мы снова к вам.

— Рада вас снова видеть.

— Мы подумали: *серебряная* икона стоит не двенадцать тысяч, а сто двенадцать!

— Правильно, серебряная икона столько и стоит. Но я вам дала *посеребренную* икону, которая стоит всего двенадцать тысяч.

— А-а, понятно. Ну, тогда вы нам выпишите квитанцию, что мы купили ее у вас и что она посеребренная. В аэропорту мы ее и покажем.

— Нет ничего проще.

Я протянула им квитанцию.

— Простите за беспокойство, — улыбнулись сестры.

— Счастливого вам путешествия! — улыбнулась я в ответ.

О хлебе насущном

Наш храм находится в центре города; рядом — в трех-пяти минутах ходьбы — еще несколько храмов; прихожан поэтому у нас — кот наплакал. Доход ничтожный. А платить надо и батюшке, и диакону, и певчим, и рабочим, и сторожу, и поварихе. Кроме того, нужны средства, и немалые, на восстановление иконостаса, на роспись храма, на иконы, на облачение священнослужителей, на церковную утварь, на… Да мало ли расходов в храме, который недавно возвращен верующим.

Думали-думали все вместе и поняли, что без торговли не обойтись: открыли несколько киосков, в которых стали продавать свечи, иконы, духовные книги, а также крестики, лампады, кадило, ладан и прочие товары. Батюшка поставил человека, который стал этим заведовать. И дело пошло. Не мы первые, не мы последние, кто занимается торговлей.

Храм — духовный организм, и по большому счету он не должен заниматься торговлей. Но жизнь заставляет. Не только у нас, в России, по всему миру картина примерно одинаковая. Греция, Болгария, Кипр, Грузия — везде идет торговля.

В Черногории, например, есть маленький монастырь. Чтобы иметь дополнительный доход, он открыл пекарню. Кроме того, у него есть большой сад с оливковыми деревьями. Это несколько тысяч литров прекрасного оливкового масла.

А монахи Святой Горы Афон разве воздухом питаются? У каждого монастыря свой источник дохода, а чаще не один, а несколько: недвижимость в больших городах, земельные угодья в разных частях Греции, операции с ценными бумагами, вкладывание средств в строительство гостиниц, коттеджей и т. д., и т. п. Одним словом, каждый выживает так, как может.

Марфа Никитична

Марфу Никитичну я знаю уже второй год. Куда бы она ни пошла — в магазин, в аптеку, на рынок, — обязательно завернет ко мне: то узнать насчет наступающего праздника, то выяснить, что такое соборование, то посоветоваться по какому-нибудь житейскому вопросу. В начале лета она уехала на дачу. Через неделю объявилась.

— Василисса, у меня проблема.

— Что такое?

— Собака воет по ночам. Да так страшно, что волосы становятся дыбом! К чему бы это?

— А ты ее кормишь вечером? (Разница в возрасте у нас небольшая, поэтому мы давно — на «ты»).

— Не только вечером, но и утром.

— А гулять с ней ходишь?

— А чего с ней гулять? Она и так на воле.

— А ты прогуляйся с ней в соседний лесок; может, она хочет прогуляться.

— Прогуляться-то можно, только поможет ли это?

— А ты попробуй.

— Ладно; попытка — не пытка… С таким надрывом воет, что… сон сразу пропадает. Говорят, когда собака воет, то это к беде.

— Не переживай. Никакой беды не будет.

— А я боюсь.

— Выпей глоток крещенской воды и ложись спать.

— А собаку можно окропить святой водой?

— Лучше себя окропи.

В начале июля Марфа Никитична снова прибыла в Москву.

— Ну как, собака присмирела? — в первую очередь поинтересовалась я.

— Присмирела. Ведет себя лучше некуда.

— А ты с ней гуляла?

— Конечно. Мне так понравился сосновый бор, что я теперь гуляю с ней каждый день.

— Вот молодчина!

— У меня, Василисса, другая проблема.

— Какая?

— Я ходила к гадалке, и та мне нагадала дальнюю дорогу. Я все думаю, какая же это дорога? И почему именно дальняя? Родственников у меня немного, все они живут в Подмосковье. А далеко мне ехать незачем и не к кому. Что ты на это скажешь?

— Ходить к гадалке — это грех.

— Неужели? А я и не знала! Соседка по даче к ней постоянно ходит, думаю, дай-ка и я схожу, может, что интересное скажет.

— Ничего интересного она тебе никогда не скажет. Она несет полную ахинею — и тебе, и другим простофилям. Ее интересуют только деньги. Сколько ты выложила?

— Пятьсот рублей.

— Ты их выкинула на ветер. Лучше купила бы на эти деньги Библию.

— А дальняя дорога?

— Забудь про нее, и все.

— А я уже дорожную сумку стала собирать. Думаю, завтра-послезавтра куда-нибудь снимусь.

— Лучше занимайся огородом. Лук, чеснок посадила?

— И лук, и чеснок, и горох — все посадила, все растет лучше некуда.

— А теплица есть?

— А как же? Без теплицы и помидоров, считай, нет. И огурцов.

— Ну вот, слава Богу, есть чем заняться.

В конце лета Марфа Никитична снова навестила меня.

— А вот и я! — радостно улыбаясь, сказала она. — Наверно, позабыла меня?

— Нет, не позабыла. Разве можно забыть такого доброго человека, как ты!

— Я тебе гостинчик принесла. — Женщина протянула мне пакет. — Огурцы и помидоры все свежие, сегодня утром сорвала с грядки.

— Спаси тебя Господи, Марфа Никитична. Урожай в этом году хороший?

— Хороший, грех жаловаться. Все растет, знай собирай да обрабатывай.

— Все по милости Божией бывает.

— С утра до вечера кручусь. Иногда к концу дня ног под собою не чувствую. Еле дойду до постели и падаю, как подкошенная. А я, милая, вот что хочу спросить: почему иной день удачный, а иной — кувырком? Я так кумекаю: если встанешь с правой ноги, то день хороший, а если с левой, то плохой.

— Марфа Никитична, выбрось эти бредни из головы.

— Нет, правда! Я несколько раз замечала: как встанешь с левой ноги — не специально, конечно, а невзначай — то все идет через пень колоду: то оса ужалит, то соринка в глаз попадет, то еще какая-нибудь напасть…

— Это все суеверие. Я тебе вот что посоветую: сходи в храм и исповедуй этот грех. А попутно и другие грехи, их у тебя накопилось — вагон и маленькая тележка.

— Насчет тележки-то я, может, соглашусь, а вот насчет вагона — никак. Вон моя соседка — грешит в открытую и не стесняется: и матом кого хочешь покроет, и мужиков принимает, и доносы строчит…

— А ты на нее не смотри, она за *свои* грехи ответит перед Богом, а ты — за *свои*. Покайся, и

тебе станет легче.

— Не знаю, будет легче или нет, но попробую, если время будет…

Глава шестая

Пелагеюшка

У моего окошка остановилась старушка-бомж. Вонища от нее — за сто верст. Нос затыкай не затыкай, толку никакого: все равно страшно воняет. Рядом со старушкой — собака, большая, грязная, лохматая и такая же вонючая, как и ее хозяйка, даже еще больше.

— Что я тебе расскажу, дорогуша, что я тебе расскажу! — тонким, слегка гнусавым голосом заговорила старушка.

— Что именно?

— Ты такого ни разу в жизни не слышала!

— А может быть, слышала.

— Нет, даю голову на отсечение, не слышала.

— Так сразу — и голову? Может, чего полегше?

— Нет, именно голову!

— Она тебе еще понадобится. А что же ты мне хотела рассказать?

— Удивительную историю!

— Ну, давай.

— А точнее — преудивительную.

— Тем лучше.

Старушка просунула голову в окошко (вонь усилилась настолько, что я еле устояла на ногах) и, приставив к углу рта полусогнутую ладонь, сказала:

— Ко мне каждое утро приходит преподобный Серафим Саровский, и мы вместе пьем чай.

— Каждое утро?

— Да. Еще не было ни одного дня, чтобы он не пришел.

— Занятно.

— Себе я наливаю чай с мятой, а ему — со зверобоем. Он очень любит чай со зверобоем.

— А где ты берешь травы?

— Их приносит преподобный. Я ему говорю: «Батюшка, как будешь идти полем, нарви мне мяты, а себе — чего хочешь». Он отвечает: «Хорошо, Пелагеюшка, тебе я нарву мяты, а себе —

зверобою. Я, говорит, люблю чай со зверобоем».

— А я и не знала.

— Он большой любитель до чая. Как и я, грешная.

— А чай-то сладкий или нет?

— С сахаром. Я говорю: «Батюшка Серафим, возьми кусочек сахару. Оно будет *антереснее»*. А он отвечает: «Благодарствую, Пелагеюшка, я не балуюсь сахаром». Я говорю: «Ну, чуть-чуть». А он: «Мне без сахару пользительнее».

— А ты?

— Я чревоугодница. Завсегда с сахаром пью чаек. Вприкуску.

— А если с конфетами?

— Не разжилась… Вот так сидим друг против друга с батюшкой Серафимом и заводим разговоры.

— О чем же вы заводите разговоры?

— На важные жизненные темы.

— На какие?

— Например, я спрашиваю: «Батюшка Серафим, скажи мне, дорогой, анчихрист, он какой будет — рыжий али эфиоп?» А батюшка Серафим отопьет из блюдечка чайку да и говорит: «Не знаю, Пелагеюшка, таких тонких вещей». А я дальше спрашиваю: «А скажи мне, батюшка, будут ли у этого окаянного эфиопа рога на лбу?» Батюшка возьмет чайник, дольет себе в стаканчик кипятку, посмотрит, как из него поднимается пар, да и говорит: «Этого я тоже не знаю, Пелагеюшка, потому как не моего ума эти разные премудрости».

— А еще о чем ты его спрашивала?

— Об ужасных знамениях в природе.

— И он тебе на всё давал ответ?

— На всё давал самый распрекрасный ответ.

— Ну, а дальше?

— А дальше чай заканчивался, и мы расходились каждый по своим делам.

Вот история так история!

— Да это еще что! У меня и другие бывают истории.

Неужели?

— Да. Надысь иду по переходу в метро, гляжу: сидит Спиридон Тримифунтский; держит в руках коробочку, милостыню, значит, просит. Я положила в коробочку монетку и присела

рядом. «Спиридонушка, — говорю, смотри, какой народ суетливый стал: бежит, бежит, сломя голову; нет, чтобы остановиться да подать копеечку старому человеку». «Действительно, — говорит Спиридонушка, много, даже очень много людей проходит мимо меня, и о каждом из них я молюсь, чтобы Господь помиловал его. А что касается копеечки, так если кто положит, хорошо; а если не положит, тоже хорошо».

«Спиридонушка, — говорю я дальше, тебе неудобно сидеть, завтрева я принесу тебе подушечку, чтобы косточки твои сохранить». А он отвечает: «Спасибушки, моя любезная сестричка, Господь сторицей воздаст тебе за твою доброту».

Я достала из сумки бутылку с водой и говорю: «Здесь, в переходе, очень душно и жарко, тебя, наверно, уже давно мучит жажда. Испей, Спиридонушка, водички, сразу станет легче». А он улыбается такой доброй-предоброй улыбкой: «Один глоточек я с удовольствием выпью, моя милая сестричка, но и за этот глоточек ты не потеряешь награды своей».

А потом мы с ним разговаривали за жизнь, и я не заметила, как пролетел целый час. Да с таким хорошим человеком я бы и два, и три часа разговаривала, но мне пора была идти по своим делам, и мы попрощались.

— У тебя такие интересные истории, что диву даешься! — сказала я. — Братья Гримм, будь они живы, позеленели бы от зависти.

— А как их звать?

— Старшего Якоб, а младшего Вильгельм.

— Младшенького-то я надысь видела во сне, погутарила с ним насчет груш, он говорит, что самый лучший сорт «дюшес», а я говорю — нет, самый лучший — «вильямс»… А вот старшего не довелось пока увидеть. Может, после майских праздников увижу…

— Вполне может быть.

Пелагеюшка достала из сумки батон белого хлеба, отломила изрядный кусок и кинула его собаке, а потом обратилась ко мне:

— Знаешь что, моя ненаглядная?

— Что именно?

— Приходи завтрева ко мне в гости.

— А где ты живешь?

— В лесу.

— По какой дороге?

— По Казанской.

— Далековато.

— Да нет, всего несколько остановок. Сядешь на электричку и прокотишься. Я столик соорудила под липой — красота. Сядем и будем пить чай. Ты какой чай любишь?

— С цветками боярышника.

— Как хорошо! Рядом растет куст боярышника, и я нарву тебе. Приедешь?

— Не могу обещать.

— Приезжай, моя ненаглядная, не пожалеешь. Преподобный Серафим с нами будет. Я тебя познакомлю с ним.

— Боюсь, что не получится.

— А ты постарайся.

Бабуля обернулась, ища собаку, но та никуда не делась, а лежала у ее ног.

— Пойдем, Тарзан, пойдем.

И она заковыляла по переходу.

Глава седьмая

Рынок

За продуктами я обычно хожу на рынок. Во-первых, он рядом, в трех минутах от моего дома, во-вторых, продукты тут гораздо дешевле, чем в магазинах, а, в-третьих, практически нет очередей, на которые в магазинах уходит много времени.

Сперва я купила хлеб — буханку «бородинского» и каравай «поляницы» (Коломенский хлебокомбинат выпекает весьма приличную «поляницу» — по примеру украинской; конечно, до украинской ему тянуться да тянуться, но все же кое-что получается). Затем я положила в сумку пакет молока, пакет белорусской сметаны (белорусская все же намного лучше московской), полкило творога (тоже белорусского), кусочек сыра белгородского, граммов на четыреста (белгородские продукты наиболее «чистые») и отправилась в другой продовольственный ряд, чтобы запастись рыбой. Чаще всего я покупаю окуня со шкуркой (бывают окуни и без шкурки, но даже продавцы не знают, что это такое — окунь без шкурки, почему с него сдирают шкурку, он что, провинился перед кем-то или еще что с ним приключилось).

Едва завернула за угол, как увидела пожилую плачущую женщину; по ее щекам ручьем текли слезы, а она их даже не вытирала, а только шмыгала носом да изредка икала. Я остановилась около нее, не в силах пройти мимо.

— Что с вами, голубушка? — участливо спросила я.

— Во… во… — Женщина пыталась и никак не могла выговорить слово; рыдания сотрясали ее, как буйный ветер сотрясает молоденькое деревце. Она приложила обе ладони к глазам, а потом провела ими вниз, сделав лицо совершенно мокрым, как будто по нему прошелся напористый дождик. — Во… ры… — наконец по слогам выговорила она.

— Какие воры?

— Кто… их… зна… ет…

Женщина пальцами обеих рук вытерла глаза, чтобы лучше видеть меня.

— А что они украли?

— День… ги… — Рыдания ее стали тише, она понемногу успокаивалась. — Все… до единой… копеечки…

— А где они у вас были?

В сумке… я кошелек в сумку положила… — Она показала на сумку, которая висела у нее на руке.

И что дальше?

А дальше… Думаю, куплю свежего мяска… Подхожу к лавке… ищу в сумке кошелек, а его нет… Смотрю: дыра в сумке… они, злодеи, порезали, значит…

Кто бы это мог сделать?

— Кавказцы… Вертелись около меня, пока я сдобу с изюмом покупала…

— Надо же такому быть!

— Ни единой копеечки не осталась… А я так хотела мяска купить… хотя бы на одну похлебку… давно мяска не ела… — Женщина вытерла уголки рта. — Вот тебе и поела…

— Такая жалость!

— Зарплату получила и тут же пошла на рынок, думаю, куплю мяска, пока денежки не разошлись… — Женщина глубоко вздохнула, а потом еще раз глубоко вздохнула. — Н-да, не пофартило…

— Зарплата за месяц или за полмесяца?

— За весь месяц. Двенадцать тысяч. Я уборщицей работаю в поликлинике. Для меня эти деньги… целый капитал… На что теперь буду жить, не знаю…

— Одна живете?

— Одна, как перст.

— А звать вас как?

— Феня.

Женщина моргала глазами, пальцами вытирая со щек остатки слез.

— Вот что, Фенюшка, — сказала я, доставая свой кошелек. — У меня осталось две с половиной тысячи. Возьмите их ради Христа — они вам нужнее. — Я сунула деньги в Фенины руки.

— Да ты что? Да ты что, милая? — запротестовала Феня. — Не возьму! Ни за что не возьму! Ты сама без денег осталась!

— Я, даст Бог, заработаю, а у вас безвыходное положение. Возьмите…

— Как же так… Я не привыкла… Мне как-то стыдно…

— Это воровать стыдно, а брать — нет.

Я обеими руками накрыла Фенины руки:

— Спаси вас Христос!

И не дав ей возразить ни единого слова, быстрым шагом направилась в сторону своего дома. «Придется недельку обойтись без рыбы, — подумала я. — Буду варить чечевицу и фасоль, это тоже белок, да и неплохой».

Крест с сусальным золотом

Молодой человек с небрежной челкой и бегающими глазами.

— Покажите мне крест.

— У меня много крестов. Какой именно?

— Вон тот. С сусальным золотом.

— Он дорогой — три семьсот.

— Мне такой и надо. У меня денег хватает.

Он развернул веером штук семь тысячерублевых купюр.

«Смотри-ка, — подумала я, — действительно платежеспособный».

— Можно посмотреть?

— Конечно.

Я протянула ему крест.

Парень взял его и… в мгновение ока исчез.

Я была ошеломлена; в первую минуту даже сообразить ничего не могла, стояла и только глазами хлопала.

«Ну и дура! — корила я себя. — Разинула рот… Надо же, какой наглец, а!.. Три семьсот! Неделю придется работать бесплатно…»

Через час-другой, когда волнение улеглось, пришла спасительная мысль, и я помолилась о том, чтобы Господь вменил эту пропажу как милостыню. И больше об этом уже не думала и не переживала.

«Закрытая дверь»

Мужчина лет за сорок с загорелым лицом и раскосыми глазами, в футболке и летней шапочке с длинным козырьком.

— Простите, у вас есть икона Божией Матери «Закрытая Дверь»?

— У меня есть иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», «Всецарица», «Тучная Гора», а про икону «Закрытая Дверь» я что-то не слышала.

— Ну как же! Я только что вернулся из Греции и там ее видел.

— Вы, наверно, имеете в виду икону «Вратарница»?

— Нет, меня интересует «Закрытая Дверь».

— А как она выглядит?

— У Божией Матери в руках семь стрел, и Она как бы никого не подпускает к Себе.

— Такая икона действительно есть; она называется «Семистрельная, или Умягчение злых сердец».

— Да нет же, она называется «Закрытая Дверь». Как жаль, что я не приобрел ее там. А вы не можете заказать мне эту икону?

— Эту не могу. Есть много других икон «Нерушимая Стена», «Отрада», «Утоли моя печали», «Неугасимая Свеча»; закажите любую из них.

— Нет, мне нужна именно та, которую я видел в Греции. Вы порасспрашивайте своих друзей, может, они помогут ее найти.

— Скажите, пожалуйста, а для какой цели вам нужна эта икона?

— Для охраны.

— Кого именно?

— Не кого, а чего. Я поставлю ее в своей квартире — над входной дверью. И тогда ни один вор не сможет ко мне проникнуть. Ведь недаром же она называется «Закрытая Дверь».

— Божия Матерь такими вещами не занимается.

— А чем же Она занимается?

— Она молится о нашем спасении.

— Возможно… Но безопасность я ставлю на первое место. Ушел на работу — и спокоен: кто-то охраняет мое имущество. Всякие приборы, в том числе охранная сигнализация, это полная ерунда. Для профессионалов они не помеха. Я хочу, чтобы у меня была стопроцентная гарантия.

— Я могу вам подсказать еще один способ — он дает как раз стопроцентную гарантию.

— Это интересно!

— Уходя, вы осените дверь крестным знамением — и все будет в порядке.

— Вы, наверно, шутите?

— Ничуть.

— Уж больно легкомысленный способ.

— Он проверен многими веками.

— Нет, я остановлюсь на своем способе. Вы поищите как следует, а я через недельку к вам загляну…

Мужчина поправил шапочку, подняв повыше козырек, и попрощался.

Глава восьмая

Полумесяц

Подошел молодой парень-мусульманин. Показал на золотой крест.

— Русское золото?

— Русское.

— Настоящее?

— Настоящее.

— Слушай, закажи мне полумесяц из такого золота.

— Это православная лавка, мы полумесяцами не торгуем.

— А ты закажи для меня. Мне очень нужно.

— А разве в мечети нельзя заказать?

— Нет, я спрашивал. А здесь русское золото, самое лучшее.

— Ты же видишь: у нас только кресты золотые да цепочки.

— Вижу. Но мне нужен полумесяц. Слюшай, сделай доброе дело для Махмуда. Скажи там своим, мол, это для Махмуда.

— Даже для Махмуда у нас такие вещи не делаются.

— Почему не делаются? Почему так плохо? Мне нужен всего один полумесяц.

— К сожалению, ничем не могу помочь.

— Ай, ай, как плохо.

Парень нехотя отошел от лавки.

«Перешел бы в Православие и горя бы не знал. Забыл бы про свои полумесяцы».

«Тридцать семь и девять»

Зима — большое испытание для нас, церковных продавцов. Наши «магазинчики» охлаждаются так, что их не согреешь никакими нагревателями. Особенно в сильные морозы. Почти все

продавцы простывают и болеют, а я, наверно, больше всех. Вот и в этот раз, в Крещенские морозы, я сильно простыла, поднялась температура, появился озноб. Еле доплелась до дому. В запасе у меня два дня, успею или нет поправиться? Стала усиленно лечиться: принимала разные препараты, а на ночь выпила несколько стаканов горячего чая с малиновым вареньем. Пропотела как следует; утром почувствовала себя получше, но температура по-прежнему держалась. Ладно, думаю, у меня в запасе еще целые сутки, может быть, выстою.

Продолжила лечение.

Утром измерила температуру: тридцать семь и девять. Ничего хорошего. Да я и без измерения чувствовала, что еще не выздоровела. Стала поглядывать на часы: скоро ли выходить на работу.

Муж видит, куда клонится дело, и говорит:

— Я бы тебе не посоветовал… Посиди дома еще дня два-три, поправишься, тогда и в путь.

Я молча готовлю теплую одежду:

Хорошо бы, да нельзя.

Отчего нельзя?

— Ну, во-первых, меня некому заменить; во-вторых, если не выйду, то убыток храму ведь мы за аренду помещения платим большие деньги; в-третьих, для семьи кое-что принесу.

— Ой, смотри, — говорит муж. — Как бы хуже не было.

— Хуже-то наверняка будет, это как пить дать — я же не в теплом офисе буду сидеть.

Я бы на твоем месте все же не пошел.

— Надо, мой милый Феденька, надо… Люди будут подходить к киоску, а он закрыт — они уйдут ни с чем. Я должна быть на месте…

Это я все понимаю…

— Если я помогу сегодня хотя бы одному человеку, то все окупится…

— Дай Бог… Возьми с собой термос с горячим чаем…

Обязательно.

И марлевую повязку на рот и нос.

— Да это вряд ли поможет.

— Если станет совсем плохо, то уходи. Полдня посидишь, и ладно.

— Посмотрим.

Никола-угодник

Пожилая женщина-крестьянка, одетая очень тепло, на голове две шали, одна из них

шерстяная, а другая — пуховая.

— Я, доченька, издалека, из Подмосковья. Приехала по большой нужде.

По какой же?

Ищу икону Николы-угодника.

— Это не проблема: она есть в любой церковной лавке, в том числе и у меня.

Покажи мне ее, доченька.

Я показала.

Нет, это не Никола-угодник.

А кто?

— Николай-чудотворец.

— Никола-угодник и Николай-чудотворец — это один и тот же святой.

— Нет, не один и тот же. Никола-угодник это одно, а Николай-чудотворец — это совсем другое.

— Мы обычно молимся так: «Николай-чудотворец, помоги мне»!

— Эта молитва неправильная. Надо молиться так: «Никола-угодник, помоги мне»!

— Но ведь в том и другом случае Святитель Николай помогает нам.

— Нет! Он помогает только в том случае, если скажешь: «Никола-угодник, помоги мне!»

— А вы часто ему молитесь?

— Как приспичит, так и помолюсь.

— И помогает?

— Завсегда.

— А у вас дома его икона есть?

— В том-то и дело, что нет. Уже какой год ищу и никак не могу найти.

— А вы помолитесь, чтобы он вам помог.

— Молилась.

— Молебен закажите в церкви.

— Заказывала.

— И все без толку?

— Без толку.

— Приходите ко мне через месяц: у меня будет такая икона.

— Правда?

— Правда. Я закажу ее нашему иконописцу.

— Спасибочки на добром слове.

Крестьянка, обрадованная неожиданным исходом дела, ушла.

Спортсмен

Высокий, плечистый парень в спортивном костюме.

— Мне нужен крест, да побольше.

— А почему побольше?

— Я занимаюсь опасным видом спорта серфингом.

А что это такое?

— Это плавание на специальной доске по волнам.

— На реке?

— Нет, в море. А море ведь разное бывает! То спокойные волны, а то вдруг — бешеные!

— Да, действительно очень опасно. А вы не боитесь?

— Нет, я люблю рисковать. Однажды (это было в Тайланде) были очень красивые волны — высокие, покатые, гибкие. Мне такие больше всего нравятся. Я так увлекся чудесным скольжением, что не заметил, как оказался далеко от берега. Думаю, надо возвращаться, пока меня не унесло в Малайзию. И стал рулить, куда надо. И вдруг… у меня озноб по всему телу прошел… невдалеке показался хвост акулы… это была акула-мако — одна из самых опасных обитателей океана; она нападает не только на людей, но даже и на лодки. Я читал в одной книге, как у берегов Австралии стая мако напала на лодку, в которой находились четыре рыбака. Спасаясь, они стали отчаянно грести к берегу; одна из акул стремительно атаковала лодку и перевернула ее; рыбаки продолжали сопротивляться, но силы были слишком неравны; спасся только один из них.

— Какая трагедия!.. А вы как?

— У меня было еще меньше шансов спастись, чем у этих рыбаков.

— Ой, как страшно!

— Меня спасло чудо. Неожиданно показался самолет-амфибия, он шел низко над водой; акула испугалась и ушла в глубину; летчик развернулся и еще раз прошел надо мной; он сделал еще несколько заходов — до тех пор, пока я не оказался около берега; тогда летчик помахал мне рукой и полетел дальше.

— Ну, вы просто герой!

— Герой-то герой, но мне все равно нужен крест. Причем самый большой.

— Он стоит очень дорого — двенадцать тысяч рублей.

— Ерунда! Главное, чтобы он был со мной!

— Знаете, что я вам хочу сказать?

— Что именно?

— Ваша безопасность зависит не от величины креста, а от того, насколько вы верите в *силу креста*. Если вы наденете на шею маленький крестик, какой носит любой христианин, то вы будете в полной безопасности.

— Я вам охотно верю.

— И еще… перед тем как выйти в море, сотворите молитву Ангелу Хранителю, и он вас защитит от любой акулы.

— Спасибо огромное за советы, но я все же куплю у вас самый большой крест!

Парень расплатился, надел на себя крест и ушел, очень довольный.

Глава девятая

«Неупиваемая Чаша»

Женщина с худым лицом и с бородавкой на левой щеке.

— Есть ли у вас икона «От питья»?

— Для какой цели?

— Мой муж пьет и пьет, мочи уже нет. Подруга сказала, что есть такая икона, и она помогает от питья.

— Это икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша».

— Вот-вот, она мне и нужна. Покажите.

Я показала одну икону.

— Она слишком маленькая. Он же у меня коломенская верста.

Я показала другую икону, побольше.

Нет, эта тоже мала.

Я показала третью.

Вот эта подойдет!

Я спросила:

А вы в Серпухове уже были?

Нет, а что там?

— Там есть чудотворная икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша». Она помогает таким людям, как ваш муж. К ней приезжают люди отовсюду, даже из Владивостока.

— Мой никуда не поедет.

— Зато вы поезжайте. Закажите молебен и помолитесь о своем муже.

— И поможет?

— Конечно.

— Хорошо бы… Да вот не знаю…

— Бросьте все и поезжайте. Не пожалеете.

— Ох, не знаю, не знаю…

Женщина положила икону в сумку: — Может, еще к вам загляну как-нибудь.

— Буду рада вас видеть.

Пеленки

Молодая женщина, курносая, веснушчатая, глаза с глубокой синевой, волосы русые, натуральные.

— Можно с вами посоветоваться?

— Конечно.

— Мне сказали, что когда вешаешь сушить пеленки, особенно на улице, то их надо кропить святой водой. От порчи.

— А кто вам это сказал?

— Подружка, тоже молодая мама.

— Она так делает?

— Да.

— Каждый раз, когда вешает пеленки?

— Каждый.

— Она себе лишней работы наделала столько, что…

— Зато порчи не будет.

— Лучше поступить по-иному.

— Как именно?

— Освятить все пеленки, а попутно и всю детскую одежду. И тогда не страшна никакая порча.

— А как это делается?

— Прочитайте молитву на освящение всякой вещи (она есть в молитвослове) и окропите все пеленки и всю одежду крещенской водой.

— И все?

— Да. Можете спокойно спать и ни о чем не беспокоиться.

— Ладно, так и сделаю.

Конец света

Несколько женщин.

— Дайте нам, пожалуйста, свечи.

Подаю.

— Еще дайте.

Подаю

— Еще давайте.

— Таких же или подороже?

— Любых.

— А для чего вам так много свечей?

— Разве вы ничего не знаете?

— Нет.

— Двадцать первого декабря будет конец света!

— Кто вам это сказал?

— Да все об этом говорят! И в газетах, и в журналах, и везде! Куда ни пойдешь, только и слышишь: «Конец света! Конец света! Конец света!»

— А при чем тут свечи?

— Как при чем? Конец света всегда встречают при свечах!

— А разве уже был конец света?

— Да, был.

— Когда?

— Несколько лет назад. Но он не состоялся. Мы ждали, ждали, все свечи сожгли, а он так и не наступил. Я говорю подруге: «Беги в ближайший киоск, купи еще свечей, может, он наступит после двенадцати ночи». Она сбегала, купила кучу свечей, мы и их сожгли, а конца света так и не дождались.

— И слава Богу!

— Теперь мы опытные, в свечах недостатка не будет!

— Свечи — это хорошо, но конца света и на этот раз не будет.

— Как же не будет, когда все к нему готовятся!

— Это очередная «утка». Этих «уток» не счесть. Еще в седьмом веке до нашей эры римляне говорили, что скоро наступит конец света. Забавный случай произошел в 1806-м году в английском городе Лидс. Один житель этого города распустил слух, что его курица стала нести яйца с надписью «Христос в пути». Жители города всполошились и стали готовиться к концу света. Нашелся все же здравомыслящий человек, который сказал выдумщику: «Покажи мне эту курицу». Тот показал. «Ну вот, а теперь я буду ждать, когда она снесет яйцо с надписью». Курица, конечно, яйцо снесла, но без надписи. Выдумщик был посрамлен.

Чуть позже за дело взялся Исаак Ньютон. Он предсказал близкий конец света, который, конечно, не состоялся.

Американские сектанты много раз предсказывали конец света, но и у них ничего не вышло…

— Ну, ладно, те не угадали, может, эти угадают?

— И на этот раз не угадают.

— Почему?

— Потому что это все враки… Вместо свечей купите лучше Евангелие.

— А у вас есть?

— Конечно. Надо готовиться не к концу света, а ко Второму пришествию Господа нашего Иисуса Христа.

Я взяла с полки Евангелие и прочитала:

«Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо где будет труп, там соберутся орлы. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, кода вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверех…

О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один… Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет» (Мф.24:27–32; 36; 42).

Будете читать Евангелие — будете знать все. И тогда никакие сектанты не смогут сбить вас с панталыку.

— Это про Второе пришествие, — сказала одна из женщин. — А третье пришествие будет?

— Нет, третьего не будет, потому что после Второго пришествия будет Страшный Суд, и на этом — конец.

— Как же это так — конец? А что же с нами будет?

— Обо всем этом говорится в Евангелии.

— Подробно или кратко?

— Очень подробно.

— Тогда дайте мне эту книгу, хочу узнать, что со мной будет.

— И мне дайте, я тоже хочу узнать.

— Ну, тогда и мне…

В этот день у меня было не то что прекрасное, а *распрекрасное* настроение.

Глава десятая

Марина

Высокая женщина лет тридцати пяти в светлых брюках и светлой кофточке.

— Мне нужна иконка моего Ангела Хранителя.

— А как вас зовут?

— Марина.

Я нашла нужную иконку и подала покупательнице:

— Это мученица Марина.

— А почему она мученица?

— Потому что пострадала за Христа.

— И сильно пострадала?

— Да. Она не просто мученица, а великомученица.

— Значит, меня назвали в честь великомученицы?

— Совершенно верно.

— Теперь понятно, почему я всю жизнь мучаюсь!

— Это от имени не зависит.

Ну как же не зависит? Это напрямую связано! Если бы меня назвали, например, Алевтиной или Любовью, то моя жизнь сложилась бы совсем по-другому!

— Не обязательно.

— Нет, нет, вы меня не переубедите! Теперь я точно знаю причину своих страданий и мук! Но кто же меня так назвал? Мать или ее сестра? А может, они вместе такое натворили? О чем только думали? Пойду разбираться! Достанется им сегодня на орехи!

Иконку вы возьмете?

Повременю.

Если надумаете, приходите.

— Мученица Марина мне как-то перестала нравиться. Может быть, я сменю имя, и оно принесет мне счастье…

Марина (продолжение)

Прошло полгода. Вновь появилась Марина. Я ее сразу узнала; лицо ее было унылое и озабоченное.

— Я так и знала, что вы придете! — сказала я, стараясь и тоном голоса, и выражением лица изменить ее подавленное настроение. У каждого человека должна быть икона его небесного защитника и покровителя. Только вчера мне принесли новые иконки святой Марины, вам наверняка понравится…

— А я уже не Марина.

— А кто же вы?

— Алевтина.

— И давно?

— Почти полгода.

— Иконка святой Алевтины у меня тоже есть. И тоже красивая. Показать?

— Нет, не надо.

— Отчего же?

— Алевтина меня разочаровала.

— Как так?

— Да очень просто. Я думала, что после смены имени у меня жизнь изменится к лучшему. А получилось еще хуже.

— В самом деле?

— Да. Во-первых, начались неприятности на работе; во-вторых, муж стал мне изменять, и пришлось с ним развестись; в-третьих, заболела мать, три месяца провалялась в больнице, а улучшения нет; в-четвертых… да нет, наверно, и этого хватит. Одним словом, Алевтина меня подвела.

— Она здесь ни при чем. В жизни иногда бывает так, что наступает полоса несчастий, а потом все проходит, и прошлое забывается. И у вас так же будет.

— Что делать, не знаю.

— Я вам вот что посоветую: сходите в храм, помолитесь от всей души, и Господь вам обязательно поможет.

— Я в это не верю! Какой тут храм, когда столько на меня навалилось! За эти полгода я похудела так, что стала похожа на щепку. Посмотрите. — Женщина отошла на пару шагов от киоска. — Юбку ношу на ремешке, чтобы не свалилась… Н-да, вот тебе и Алевтина! Ну, Марина — это понятно: мученица. А Алевтина, она кто?

— Тоже мученица.

— Неужто??!!

Лицо моей собеседницы выразило величайшее удивление. Несколько минут она стояла, разинув рот, не в силах выговорить ни одного слова.

— Бо-же мой! — наконец выдавила она. Бо-же мой! — медленно повторила она. — Вот в чем причина моих несчастий! Из огня да в полымя! А я все никак не пойму! Оказывается, вот в чем дело! Дорогая, скажите мне какое-нибудь нормальное имя. Только не мученицу…

— Имя тут совсем не при чем, я вам об этом и в прошлый раз говорила.

— Ну, как же не при чем! Вы же видите, что со мной происходит!

— Вижу, но дело, повторяю, не в имени, а в том, что вы живете не по заповедям Христовым.

— Только без этих басен! Я их и в грош не ставлю! Лучше скажите мне нормальное имя.

— Ну, например, Олимпиада.

— Она не мученица?

— Нет.

— Точно?

— Да.

— Поверю.

Женщина ушла.

«Бедняжка, — подумала я о ней. — Страдает, а не знает из-за чего».

Я повернулась к иконам и помолилась о ней. Это уже вошло в мое правило — молиться о всех

людях, которые подходят ко мне.

Пояс Пресвятой Богородицы

Это было в те дни, когда в столицу прибыл со Святой Горы Афон Пояс Пресвятой Богородицы. С утра до вечера у моего киоска столпотворение. Покупатели — в основном женщины — сметали все подряд: крестики, иконки, ладан, женские головные платки, кадильницы, цепочки, молитвословы, акафистники, лампады, подсвечники.

Деловая молодая женщина:

— Скажите, пожалуйста, какие у вас крестики есть?

— Разные: золотые, серебряные, латунные, деревянные.

— Дайте мне деревянные.

— Сколько?

— Всё, что есть.

— Штук пятьдесят наберется.

— Вот и хорошо.

— А зачем вам столько?

— Освящу их на Поясе Божией Матери, а потом поеду в провинцию к своим родственникам — буду раздавать.

— А в Храм попадете? Там, говорят, очередь на восемь-десять часов.

— Придется постоять.

На следующий день она пришла снова.

— Ну как, удалось попасть к святыне? спросила я у нее.

— К сожалению, нет. Два часа постояла, а потом мне позвонили с работы: «Срочно приезжай! Неотложное дело!» Ну ничего, может, сегодня удастся… У вас есть афонский ладан?

— Есть.

— Дайте мне, пожалуйста, три коробочки; освящу и подарю в провинции настоятелю храма.

Через два дня, когда я вышла на смену, она появилась опять.

— Ну как, все в порядке?

— Опять не повезло. Уже половину очереди отстояла, как позвонили из дому: у мамы приступ, вызвали «скорую». Тут уж не до святыни, быстрей домой. Слава Богу, маму в больницу не забрали, обошлось… Подберите мне пару подсвечников — затеплю свечи и поставлю около мамы, все не так горько ей будет…

Глава одиннадцатая

Живая вода

День был хлопотный, и я, выбрав момент, когда не стало покупателей, присела на стульчик отдохнуть. Вдруг возник сильный неприятный запах, и около моего магазина (это, конечно, большое преувеличение называть мой закуток «магазином», но с известной долей юмора — можно) появилась Пелагеюшка. Тарзан был с нею, он улегся у ног своей хозяйки.

— Я пришла к тебе не просто так, а специально, — заговорила старушка безо всяких вступлений. — Хочу тебе еще кое-что интересное рассказать.

— Ты меня, Пелагеюшка, просто закормила своими историями, — отозвалась я, не вставая со стульчика.

Эта история всем историям история.

Ну, давай, расскажи.

Третьего дни захожу я в электричку и вижу: на скамейке сидит преподобный Сергий Радонежский. Я села рядом с ним и повела умный разговор. Я страсть люблю вести разговоры с *историческими* людьми и задавать им разные вопросы.

— О чем же ты его спросила?

— Отче Сергие, — говорю я, — я хочу поехать в Ындию, но не знаю, где она находится.

— И я тоже не знаю, — отвечает мне отче Сергие, — потому как ни разу там не был.

— Говорят, она стоит посреди океана, а океан такой большой, что его даже верхом на ките не переедешь.

— Тем более если кит не прирученый.

— Мне нужен смирный кит… чтобы слушался меня, как мой Тарзан.

— Таких найти очень трудно, потому что они все своевольные.

— Нет, мне таких не надо…

— А с какой целью ты, Пелагеюшка, хочешь поехать в Ындию?

Преподобный Сергий так мне и сказал: «Пелагеюшка», хотя мы с ним ни разу до этого не встречались. Я виду не подала, что удивилась, как будто так оно и должно быть.

— С какой целью? — говорю. — Да все с той же: я давно ищу *живую воду,* но никак не могу найти. И в Арзамас ездила, и в Торжок, и в Костомукшу, а все без толку. Спрошу у местных жителей: «Есть ли у вас, дорогие мои, *живая вода?*» и слышу один и тот же ответ: «Нет у нас *живой воды.* Потому и мрем, как мухи. Если бы кто дал нам *живую воду,* то мы бы избежали смерти. Может быть, тебе повезет и ты найдешь где-нибудь *живую воду,* тогда принеси нам хоть одну капельку, и тогда мы не умрем». «Ладно, — говорю, — если найду, то не забуду про вас и принесу вам *живой воды».*

А совсем недавно, в конце прошлой недели, убогие люди сказали мне, что *живую воду* можно сыскать только в Ындии. Далеко в горах, среди скал и эвкалиптов, есть глубокий колодец, в котором бьет родник *живой воды.* Руками эту *воду* не достанешь, так как там нет ни веревки, ни кружки, ни котелка. Только раз в полгода прилетает в эту местность птица необыкновенной красоты, похожая на русскую *жар-птицу,* и она своим клювом достает эту *воду.* Одной капли этой *воды* достаточно для того, чтобы оживить миллионы людей. Я должна тебе, отче, сказать, что не каждый человек стремится отведать этой ч*удо-воды,* далеко не каждый, а только тот, кто по-настоящему *жаждет.* Я, например, сильно *жажду.* А ты, отче?

— Я, наверно, *жажду* еще сильней тебя.

— Тогда я дам тебе *живой воды,* как только ее добуду. Вот только бы мне добраться до Ындии.

Кто ищет, тот всегда найдет!

— Я тоже так думаю. У меня уже созрел план.

— Какой?

— А вот какой. До Рязани, например, я доеду на одной электричке, потом пересяду на другую, потом на третью — а в пути буду спрашивать про Ындию. Люди, они все знают, в том числе и про Ындию. К осени я до нее доберусь, это уж точно! Я уже многим обещала привезти *живую воду,* будет нехорошо, если я не сдержу свое слово. Некоторые люди не умеют держать слово, а я — нет: если пообещала, то сделаю!

Вскоре поезд остановился, преподобный Сергий благословил меня на поездку в Ындию, и я вышла из вагона.

— Когда же ты отправляешься в путь? — полюбопытствовала я.

— Завтрева. Я не люблю откладывать в долгий ящик.

— Поскольку у тебя дорога дальняя, я тебе подарю плащ, — сказала я. — Он защитит тебя от дождя.

— А разве тебе он не нужен?

— У меня два плаща. А зачем мне два, мне и одного хватит.

— Ну, тогда ладно. Мой-то плащ совсем прохудился, так что как раз. Спасибушки.

Пелагеюшка надела плащ, он ей пришелся впору.

— Тарзан, где ты? — позвала она. — Пойдем, у нас с тобой сегодня много дел…

«Чудная старуха, — подумала я, провожая взглядом Пелагеюшку. — Очень чудная. Иногда такое загнет, что… Не знаю, верить ей или нет. Но вот что интересно: когда она посетит меня, то торговля *оживает* — от покупателей нет отбоя. В пять, в семь, а то и в десять раз выручка увеличивается…»

Таня и Лена

Две молодые девушки:

— Мы хотим с вами познакомиться. Меня зовут Таня, а мою подругу — Лена. А Вас?

— Василисса.

— Мы не можем никак решить один вопрос.

— Какой именно?

— Я считаю, что блаженная Матрона лучше всех помогает, а моя подруга говорит, что — блаженная Ксения.

— Да, я уверена, что блаженная Ксения! подтвердила Лена.

Вы молитесь этим святым?

Да, молимся.

Как часто?

По потребности.

А молебны им заказываете?

— Молебны? Про молебны ничего не слышали.

— А молитесь дома или в храме?

— Да где придется.

— Таня, скажи, пожалуйста, почему ты считаешь, что блаженная Матрона лучше всех помогает?

— Потому что она рядом, в Москве. А блаженная Ксения далеко — в Санкт-Петербурге.

— Еще почему?

— Блаженная Матрона жила недавно, в прошлом веке, а блаженная Ксения — еще позже. Значит, блаженная Матрона опять ближе к нам.

— А еще?

— Блаженная Матрона… как бы это сказать… более сострадательная…

— А теперь твоя очередь, Лена. Скажи нам, почему ты отдаешь предпочтение блаженной Ксении?

— Потому что она все время ходила по городу, была среди людей и хорошо их знала.

— Так. А еще?

— Она одевалась как мужчина! И думала как мужчина!

— Дальше.

— По ночам она молилась в чистом поле.

— Ну и кто из нас прав? — спросила Таня.

— Никто! — ответила я. — Правы блаженная Матрона и блаженная Ксения!

— Как так?

— Очень просто: они обе святые, обе находятся у Престола Божия, обе нас любят и молятся о нас. Все зависит не от того, *кому* мы молимся, а от того, *как* мы молимся. Если мы помолимся горячо, от всего сердца, а главное, с верой, то и блаженная Матрона, и блаженная Ксения быстро придут нам на помощь.

— Мне ваш ответ очень понравился, — сказала Лена.

И мне тоже, — добавила Таня.

— А мне вы понравились. Молитесь и дальше этим угодницам Божиим, и они вас никогда не оставят.

Девушки топтались на месте, было видно, что им не хочется уходить, а хочется продолжить так хорошо начавшуюся беседу.

— У вас очень редкое имя, — сказала Лена. Я первый раз его слышу.

И я тоже, — добавила Таня.

«Вот хороший повод поговорить о моей небесной покровительнице», — мелькнула мысль.

— Мои родители назвали меня в честь отроковицы Василиссы.

— А кто она такая? — в один голос спросили девушки.

— Она жила в Никомидии в конце третьего века. Никомидия — это богатый и красивый город, расположенный на берегу Мраморного моря. В то время восточной частью Римской империи управлял нечестивый император Диоклетиан. Он был язычником, ненавидел христиан и жестоко преследовал их. Не сотни, а тысячи христиан умирали с именем Христа на устах. Особенно много христиан пролило свою кровь в Никомидии. В праздник Рождества Христова, например, в одной церкви были сожжены двадцать тысяч верующих.

— Невозможно представить! — воскликнула Таня.

— Ужас! — в тон ей воскликнула ее подруга.

— Император не щадил никого — ни женщин, ни детей, ни старых, ни малых. Казни совершались каждый день.

— А Василисса, она как?

— Пришел и ее черед пострадать за Христа. Ее привели к игёмону, то есть правителю Никомидии. Его звали Александр. Он так ненавидел христиан, что когда лилась их кровь, он только радовался этому. Игемон, предвкушая кровавый пир, глядел на отроковицу, как лев на ягненка. Для начала, однако, он притворился добрым и великодушным.

— Ты юная и красивая, — ласковым тоном обратился он к Василиссе, — и только начинаешь свою жизнь. Поклонись нашим богам, и я сохраню тебе жизнь.

— Нет, я не отрекусь от Христа! — твердо сказала Василисса. — Он для меня дороже жизни!

Ей было всего девять лет, но у нее была такая крепкая вера, какая не всегда бывает и у взрослых.

Игемон очень удивился, услышав такой ответ.

— Наверно, ты пребываешь в заблуждении, если говоришь такие неразумные слова, — возразил он. — Ты скоро станешь взрослой, выберешь себе достойного жениха, и будешь счастлива.

— Я счастлива только с моим возлюбленным Женихом, имя Которому Христос! А ваши боги — это бездушные идолы; поклониться им — это значит погубить свою душу.

— Вся Никомидия приносит жертвы нашим богам, и только благодаря этому наш город процветает, а люди блаженствуют. Последуй их примеру; это так легко. Ты вернешься домой к своим родителям и доставишь им несказанную радость.

— Я доставлю им радость только тогда, когда останусь верной Христу!

— Очень жаль, что ты упорствуешь, Василисса. Опомнись и перемени свое мнение, иначе тебя ждут большие муки и страдания.

— Большие муки и страдания за Христа я приму как великое благодеяние! — проговорила юная отроковица, и ее лицо просияло, как солнце.

Александр из кроткого агнца превратился в кровожадного тигра и отдал Василиссу на истязания. С нее сняли одежды, и палачи стали стегать ее розгами. Юная отроковица терпеливо переносила бичевание, ни одного, даже самого тихого стона не слетело с ее уст. Она лишь благодарила Господа Бога за то, что Тот сподобил ее пострадать за Него. Это привело игемона в ярость, и он приказал усилить бичевание. Тело Василиссы стало походить на сплошную рану. Она воскликнула: «Боже! Благодарю Тебя за всё!»

Таня и Лена слушали мой рассказ с большим состраданием; на их лицах я читала целую гамму переживаний, как будто они сами присутствовали во время истязания святой Василиссы.

— Какой же изверг, этот Александр! — вырвалось у Татьяны.

— Не человек, а зверь! — дополнила ее подруга.

— Вот именно — зверь! — согласилась я. Ну, будете слушать дальше?

— Конечно! Быстрее продолжайте!

— Игемон придумал новую казнь для исповедницы Христовой: он приказал, просверлив ей голени, повесить ее вниз головою над костром, а в огонь кидать смолу, серу, масло и олово — в надежде, что из-за смрадных испарений она скоро испустит дух. Однако это нисколько не повредило отроковице.

Тогда Александр приказал ввергнуть ее в разжженную печь. Василисса, оградив себя крестным знамением и призвав на помощь Христа, смело вступила в бушующее пламя. Она пробыла в печи довольно длительное время, ходя взад и вперед и поя божественные псалмы, и огонь даже не коснулся ее.

Игемон и его свита, а также множество зевак были объяты великим ужасом при виде этого чуда.

Истязания на этом тем не менее не кончились. Юную отроковицу поместили в просторный вольер, и впустили в него двух голодных львов. Зрители не сомневались, что они в мгновение ока разорвут на части Василиссу, однако произошло нечто необычное: львы, словно кроткие щенята, улеглись около отроковицы и стали лизать ее руки.

Это была последняя капля, которая растопила сердце жестокого игемона.

— Велик Бог христианский! — воскликнул он громким голосом, падая на колени перед Василиссой. — Прости меня великодушно, юная отроковица, за те мучения, которые я тебе доставил. Помолись твоему Господу, чтобы Он не погубил меня. Отныне я верую в Него так же, как и ты.

Василисса во всеуслышание прославила Господа нашего Иисуса Христа за то, что Он претворил слепоту правителя в немерцающий свет истины.

После этого юная отроковица вышла за пределы города. Почувствовав жажду, она встала на камень и помолилась Господу, чтобы

Тот дал ей воды. Тотчас из камня забил поток живительной влаги. Утолив жажду, Василисса встала на колени и воздала хвалу Господу за все Его благодеяния. С воздетыми руками и глазами, обращенными к Небу, она предала дух свой Богу, Которого всем сердцем любила и Который не посрамил ее чаяний и желаний.

— Какая чудная повесть! — воскликнула Лена, прижимая руки к груди.

— И какая поучительная! — добавила Таня.

— Вам очень повезло, когда Вас назвали Василиссой! — минуту спустя проговорила Лена.

— А вам повезло, что вы услышали ее житие, — сказала я, довольная тем, что мой рассказ пришелся девушкам по душе. — Теперь вы можете молиться не только блаженной Матроне и блаженной Ксении, но и мученице Василиссе.

— Мы так и будем делать… А у Вас есть иконки этой святой?

Конечно.

— Дайте нам две штуки.

Девушки от всей души поблагодарили меня за рассказ и за иконки и пообещали заглянуть ко мне в другой раз.

Трофим

В нашем переходе (он стал для меня почти родным) я всегда вижу щуплого худого

старичка в старом истертом до блеска пальто и такой же старой шапке ушанке с несколькими дырами, из которых выглядывала то ли вата, то ли еще что. Иногда он стоял на коленях, иногда сидел на ящике из-под пива; перед ним на полу лежала картонная коробочка, в которую прохожие кидали мелочь. Он приходил сюда каждый день — как на работу. У меня в работе бывали перерывы, а у него нет. Его звали Трофим. Он жил один, родственников у него не было,

пенсии тоже не было. Картонная коробочка являлась для него якорем, который держал его «на плаву».

Когда я проходила мимо, то всегда давала ему то яблоко, то пачку печенья, то несколько баранок. А в этот раз дала ему пакетик карамели. Он, осклабив беззубый рот, кивком головы поблагодарил меня.

— Поясница не болит? — спросила я его.

— Как не болит? — Трофим взялся рукой за поясницу. — Болит, спасу нет! Иногда так схватит, что света белого не взвижу!

— А ты чем ее лечишь?

— Собачью шкуру прикладываю на ночь.

— Помогает?

— Порой помогает, а порой — нет.

— Спирт не пробовал втирать?

— Я его лучше внутрь приму. — Трофим попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая и кислая.

— Говорят, барсучий жир хорошо помогает.

— Да и медвежий сгодится, только я на охоту не выходил уже лет пятьдесят с гаком.

— Попросил бы у кого…

— Счас такое время, что… просильщики есть, а подавателей с сыскными собаками не сыщешь…

— Тебе за поясницей надо следить — ты еще в прошлом году, помню, жаловался…

— Не знаю, сколь она еще протянет… А у тебя как с поясницей?

— Ненамного лучше твоей.

— Эх-хе-хе, — кряхтя, Трофим уселся на ящик. — Эх-хе-хе, жизня наша… Только во сне сдалося, будто на свете жилося…

— Может, в церковь сходишь, душу отведёшь…

— Куда уж там, — Трофим безнадежно махнул рукой. — До дому-то еле-еле доползаю, а уж про церковь и говорить нечего…

Глава двенадцатая

Монеты

Пожилая женщина с крупным мясистым лицом.

— Дорогая, скажи мне: на могилку какие цветы класть — живые али неживые.

Я думаю, лучше живые.

— Но они ведь ненадолго — всего на один день.

Зато красивые и пахучие.

— Недавно хоронили моего дальнего родственника, так венков навалили — целую кучу. Из неживых цветов. Но сложили аккуратно, шалашом — поучиться надо. Я там не только этому научилась.

А чему еще?

— Мать покойника бросила в могилу (наперед гроба) монету — не то пять рублей, не то десять. Знаете для чего?

Нет.

Для выкупа покойнику места на том свете.

Первый раз слышу такое.

Говорят, это сильно помогает.

Не уверена.

— Ну как же: если все это делают, значит, проверено.

Покойнику нужна не монета, а молитва.

— Знать бы хоть одну… Если мой муж умрет раньше меня, то я брошу в могилу не одну монету, а целую горсть — чтобы было надежно. Он крещеный, но неверующий, Бога никак не признает, поэтому ему нужно много монет.

— Милостыню подавайте за его душу — вот это действительно надежно, а монеты — это… от лукавого…

— Я завела кубышку — для монет… Накоплю, а потом брошу и с правой руки, и с левой…

«Не слышит, как будто уши воском залепила. Да если бы только она, а то кого ни возьми…»

Катамаран

Мужчина лет тридцати пяти — тридцати семи, загорелый, мускулистый, спортивного типа, из тех, которые любят наслаждаться жизнью.

— Я хожу на катамаране в море; ухожу очень далеко; месяц, а то и два не вижу берега. Люблю морской простор.

— Один путешествуете?

— Нет, у меня два помощника. Иногда налетает шторм, и тогда приходится туго. Пока обходилось, но нужны какие-то дополнительные… *обереги.* Как вы считаете, какой цвет

приносит удачу — синий или белый?

— Не знаю.

— До сих пор я ходил под белым парусом, а теперь хочу попробовать — под синим.

— В добрый путь.

— Какую птицу мне с собой взять — голубя или чайку?

— Не знаю.

— Наверно, возьму чайку, морскую птицу, она будет в своей стихии, а я — в своей.

— Возможно.

— Если налетит ураган, то кого мне призывать на помощь — домового или лешего?

— Ни того, ни другого.

— Как это так?

— В них нет никакой пользы, потому что это олицетворение нечистой силы. А нечистая сила может только погубить.

— Вот те на!

— Вы крещеный?

— Нет.

— Окреститесь, и крестик на вашей груди будет лучшей защитой от всех бед и несчастий. А про птиц и прочую ерунду забудьте.

— Спасибо на добром слове. Так и сделаю! А крестики у вас есть?

Конечно.

Подберите мне самый лучший.

Самый лучший будет вот этот. — Я подала мужчине красивый перламутровый крест. — Нравится?

— Очень! Сегодня же зайду в храм и окрещусь!

«Хоть один послушался, — подумала я, зажигая свечку. — Сразу видно: есть у человека голова на плечах!»

Сон

Однажды утром (это было глубокой осенью) появилась Марфа Никитична, моя старая знакомая. Вид у нее был встревоженный, как будто кто гнался за ней с недобрыми целями.

— Василисса! — начала она безо всяких вступлений.

— Что такое?

— Я видела сон!

— Многие люди видят сны и не придают им никакого значения.

— У меня был особенный!

— Ну, поведай.

— Такие страсти! Такие страсти, что и рассказать невозможно!

— А все же.

— Ну, слушай. Мне приснилось, будто иду я по широкому полю. А поле такой красоты, что… кругом цветы, да такие яркие, броские, каких я в своей жизни ни разу не видела! По небу плывут пышные, словно пуховые подушки, облака, тихо, плавно плывут — залюбуешься! В воздухе порхают птицы и поют на разные голоса! Душа моя млеет от восторга! Так бы и шла по этому полю, и шла, и радовалась бы, и чтобы этому не было конца!

Вдруг, в какую-то долю секунды, небо потемнело, надвинулись большие грозные тучи. Птицы смолкли, а моя душа затрепетала. Сверкнула одна молния, потом другая, ярче первой, ударил такой раскат грома, что земля затряслась, как в лихорадке. Я чуть не умерла от страха.

А потом мои глаза увидели такое, что… Василисса, если бы ты была на моем месте…

— Ну, ну, а дальше-то что?

— Неожиданно посреди поляны появился громадный змий, он разинул свою страшную пасть, и в эту пасть потекли толпы людей. Вид у этих людей был панический, наверно, они не ожидали такого поворота событий; было видно, как им очень не хотелось приближаться к этому ужасному чудовищу, они упирались, цеплялись за что попало, но какая-то невидимая сила увлекала их и бросала в темный зев. Я слышала жуткие крики и вопли этих несчастных, отчаянные призывы о помощи, но никто не появлялся, чтобы спасти их, и они проваливались в зловонную пасть, как в бездонную пропасть.

Сколько времени прошло, я не знаю; может, час, может, два, а может, и больше, а толпы людей все текли и текли, и не было им конца.

Вдруг все прекратилось, змий исчез, небо в мгновение ока расчистилось, снова появились цветы, подул свежий ветерок, и я быстро побежала вперед, потому что боялась, как бы не возникло новое страшное видение. Через некоторое время я оказалась на высокой горе, откуда открывался чудесный вид: поля сменялись холмами, среди которых текли чистые хрустальные реки, хвойные леса сменялись лиственными, а в небе сияло солнце.

Мое сердце трепетало от радости при виде этой красоты, а также от того, что я избежала участи, которая постигла тех людей. По моим щекам текли слезы, но я их не вытирала — зачем их вытирать, если они тебя утешают.

Я присела на траву и на некоторое время забылась, погруженная в себя, а когда подняла голову, то увидела прямо перед собой — в воздухе — Лучезарную Женщину, окруженную светлыми Ангелами. От Женщины исходило такое ослепительное сияние, что дневной свет по сравнению с ним казался мраком. Лицо Ее было ласковым и добрым, от него невозможно было

оторвать глаз.

— Марфа! — произнесла Женщина, и я замерла, как бы пронзенная Ее неземным голосом. — Я обращаюсь не только к тебе, но и ко всем русским людям. Я вижу, сколько горя, бед и несчастий обрушилось на вас, и как вы сильно страдаете. Ваши глаза опухли от слез, и ноги подкосились; ваши села и деревни опустели, а поля заросли чертополохом; вы хотите знать правду, а вместо правды вам предлагают ложь; ночь становится все темнее, а света нигде не видно.

Все это можно легко исправить, и ваша жизнь станет радостной. Покайтесь в своих грехах, которых накопилось очень много. Покайтесь в своих заблуждениях, суевериях, злобе и коварстве; покайтесь в больших грехах и малых, ведомых и неведомых. Возведите глаза на Небо и вспомните, что там находится ваш Отчий дом; оставьте свои временные попечения и позаботьтесь о Вечности.

Покайтесь, Мои возлюбленные дети, покайтесь как можно скорее! Времени осталось очень мало! Всего две-три секунды! Поспешите, пока не захлопнулась дверь!

Марфа остановилась и перевела дух.

— Кто это был? — произнесла она после того, как немного успокоилась. — Кто это Женщина, при виде Которой я не чувствовала ног под собой?

Исповедь Марфы Никитичны привела меня в состояние сильного волнения. Прошло несколько минут, прежде чем я смогла успокоиться и нормально соображать.

— Это была Божия Матерь! — сказала я, снимая с полки одну из икон Царицы Небесной и лобызая ее. — Это Она поведала Свою волю о нашем народе, в том числе и о нас с тобою.

— Божия Матерь? — повторила Марфа Никитична. — Не говорило ли мне мое сердце, что это явление небесное! Боже мой! Она явилась ко мне, такой грешной и непутевой? Чем я это заслужила?

— Да ничем. Просто Божия Матерь одинаково любит и тебя, и меня, и всех остальных людей. Она хочет, чтобы все мы спаслись. Все до единого.

— И я тоже?

— Конечно. Прошлый раз я советовала тебе пойти в храм и покаяться. Ты сделала это?

— Нет! — Марфа Никитична закрыла лицо ладонями и зарыдала. — Нет, не ходила я в храм! — сквозь рыдания и всхлипывания говорила она. — Глупая, безумная — вот я кто! Нет мне прощения! Какой кары я достойна? Наверно, нет такой кары, которой я была бы достойна! Матерь Божия, пощади меня, жалкую и грешную!

— Она уже пощадила, когда явилась тебе. Я протянула Марфе Никитичне икону Божией Матери. — Приложись и попроси прощения у Нее.

Марфа Никитична дрожащими руками взяла икону и поднесла ее к своим губам. А потом обняла икону руками и залилась слезами пуще прежнего.

— Прости меня… окаянную… Царица Небесная… и не погуби меня!

— Ну вот и молодчина! — похвалила я ее. Теперь пойдешь в храм?

— Пойду, милая, пойду! — воскликнула Марфа Никитична. — Вернее, не пойду, а побегу!

Она вернула мне икону, кончиком платка вытерла слезы, повернулась и хотела уже идти, а потом снова повернулась ко мне и сказала голосом, в котором чувствовалось созревшее решение:

— Побегу! Перед лицом Божией Матери даю слово! Побегу!

Конец и Богу слава!

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch